

ВАСИЛЕВИЧ А. П., СКОКАН Ю. Н.

К МЕТОДИКЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(На примере лексики цветообозначений)

Известно, что одной из характерных черт восприятия человеком окружающего мира является способность к типизации: адекватное восприятие было бы просто невозможным, если бы отражение действительности в мозгу было хаотическим. Указанная способность к членению непрерывного потока впечатлений и выделению категорий (типов) предметов и явлений основана, прежде всего, на способности выявлять объективно существующие общие черты этих последних. Решающая роль в этом мыслительном процессе отводится языку. Именно с помощью языковых средств, как правило, осуществляется та или иная категоризация действительности. При этом, поскольку разные языки обладают сильно различающейся номенклатурой лексических и грамматических средств, языковеды не могли пройти мимо идеи, согласно которой у разных народов должно быть разное «видение» мира, обусловленное соответствующим языком. Очевидно, первым, кто сформулировал эту идею, был В. фон Гумбольдт: «...в каждом языке заложено самобытное мирозерцание... Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринимать в себя и перерабатывать мир вещей... (он) живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [1, с. 80]. Позднее эта идея была наиболее полно воплощена в теории лингвистической относительности, известной также как гипотеза Сепира—Уорфа. Работы Э. Сепира и Б. Уорфа положили начало целому направлению в языкознании; об их популярности можно судить по сотням публикаций в отечественной и зарубежной литературе.

Частным случаем гипотезы Сепира—Уорфа является тезис о том, что восприятие цветового пространства зависит от особенностей языка данной общности людей. Отметим, что именно этому частному случаю уделяется наибольшее внимание при сопоставительных исследованиях языков. Последнее связано, по-видимому, с тем, что соответствующая лексика легко выделяется и для ряда языков хорошо описана. Примеры различий в членении цветового пространства в разных языках представлены в работах не только сторонников теории лингвистической относительности, но и представителей самых разных школ и направлений в лингвистике [2—4].

Конечно, сам факт существенных различий языков по составу (в особенности, количественному) лексических средств цветовыражения сомнению не подлежит. В некоторых случаях указанные расхождения могут быть объяснены различными условиями жизни и труда людей и, соответственно, необходимостью более детализированного или, наоборот, более обобщенного отражения действительности в языке. Возможны и другие объяснения. Интересной представляется, например, гипотеза, устанавливающая связь между дробностью членения цветового пространства и этапом развития языка [5].

Следует отметить, что гипотеза Сепира—Уорфа неоднократно критиковалась в литературе с самых разных точек зрения, в том числе и в той ее части, которая связана с привлечением фактического материала [6—10]. Не разделяя позиции сторонников обсуждаемой гипотезы в целом, мы, со своей стороны, в особенности критически относимся к применяемым ими методам исследования. Здесь нам хотелось бы выделить два аспекта.

Во-первых, практически во всех случаях, проводя сопоставительный анализ, исследователи оперируют так называемыми «основными цвето-

наименованиями» (basic colour terms), принципы выделения которых носят порой весьма субъективный характер и не выдерживаются последовательно для всех языков [11]. Нам представляется, что при исследовании нельзя ограничиваться рассмотрением только двенадцати цветообозначений (традиционно рассматриваемых в русском как «основные») и игнорировать сотни других цветообозначений, среди которых есть такие общеупотребительные слова, как *алый*, *малиновый*, *бурый* и т. д. Во-вторых, сопоставительный анализ языков осуществляется обычно исследователем-билингвом, который полагается на свое собственное языковое чутье. Однако даже «чутье» одного исследователя не всегда может служить эталоном, верно отражающим коллективное языковое сознание. Исследование категоризации цветового пространства в языке (языках) обязательно должно включать опрос носителей соответствующих языков.

В предлагаемой работе будет показано, как можно практически осуществить подход к сопоставительному анализу лексики цветообозначений, при котором, во-первых, привлекаются в с е сколько-нибудь употребительные цветоименования данного языка и, во-вторых, используется психолингвистический э к с п е р и м е н т с соответствующей обработкой полученных результатов.

Настоящая работа основана на сопоставительном анализе двух языков — русского и узбекского, хотя мы применяли описанную здесь методику и для ряда других языков (английского, французского, таджикского, сербскохорватского, венгерского и др.). При этом во всех случаях использовалось достаточно большое количество цветоименований (так, в русском и английском языках рассматривался словник объемом более 400 слов, в венгерском и узбекском — порядка 150 и т. д.). Однако в целях экономии места в настоящей работе мы подробно остановимся лишь на тех словах русского и узбекского языков, которые обозначают оттенки желтого цвета. Это оправдано, в частности, потому, что свою основную задачу мы видели в описании методики исследования. Результаты же сопоставительного анализа в полном объеме (для разных языков) будут представлены в других публикациях (серия этих публикаций открылась работами [12—14]).

Дальнейшее изложение будет строиться следующим образом. Вначале мы опишем методику получения достаточно полного перечня слов-цветонаименований. Затем будет описан эксперимент, позволяющий исследовать характер членения цветового пространства носителями русского и узбекского языков. В заключение мы проведем собственно сопоставительный анализ данных (для оттенков желтого цвета) и покажем, что помимо чисто теоретического интереса (особенно в плане обсуждения гипотезы Сепира — Уорфа), эти данные имеют и практическое значение — в частности, для нахождения узбекско-русских цветовых эквивалентов.

П о л у ч е н и е с л о в н и к о в. Для того, чтобы получить достаточно полные перечни слов, употребляющихся в русском и узбекском языках для обозначения желтого цвета, мы использовали различные словари, а также результаты опроса большой группы носителей языка (в русском эксперименте участвовало более 200 человек, в узбекском — 80). Методика опроса подробно описана в упомянутых выше наших публикациях; она позволяет не только получить хорошее представление о составе активной лексики современного языка, но и оценить степень употребительности тех или иных цветоименований. Так, из 23 слов узбекского языка, относящихся к области желтого участка цветового пространства, одно слово — *сарик*¹ — называлось практически всеми участниками эксперимента; слова *оч сарик* и *тўқ сарик* встретились соответственно в 18 и 29 протоколах (из 80); слова *малла*, *нос ранг* и *олтин ранг* появились в ответах 2—5 человек; 6 слов были названы всего по 1 разу, а остальные 11 слов (зафиксированных в словаре) не вспомнил никто из 80 информантов. Таким образом, можно говорить, что активный словарь узбекского языка для

¹ Переводы см. в табл. 2.

обозначения оттенков желтого цвета включает примерно 10 слов. В русском языке общее число цветоименований исследуемой группы было существенно большим (порядка 50); соответственно больше была и группа активной лексики (*желтый, золотистый, темно-желтый, светло-желтый, янтарный, лимонный* и т. д. — всего около 30).

Исследование членения цветового пространства. На первый взгляд кажется очевидным, что русский язык, располагая большим числом слов для обозначения оттенков желтого цвета, соответственно более дробно и членит их. Вообще, как видно из литературных данных, вопрос о членимости пространства чаще всего сводится к простому количественному сопоставлению словников (напомним при этом, что рассматривается только определенная часть всех цветоименований, которая кажется исследователю заслуживающей внимания). Нам представляется принципиально неверным считать каждое слово своего рода ярлыком отдельной категории и отождествлять число категорий, отражающих процесс восприятия, с числом разных слов, наличествующих в языке. При восприятии действительности число вычленяемых в ней категорий невелико и заведомо меньше числа слов, соответствующих тем или иным сенсорным ощущениям. Сказанное согласуется с давно установленным фактом «языковой избыточности», который проявляется, в частности, в существовании лексической синонимии.

Что такое «синоним» применительно к цветоименованиям? Допустим, что во всем множестве оттенков желтого цвета русский информант вычленяет n разных категорий. Это не означает, конечно, что в пределах каждой категории оказываются оттенки, которые он не в состоянии различить «на глаз». Разрешающая способность зрения позволяет различать гораздо большее число оттенков, что легко можно показать, поставив человека в соответствующие экспериментальные условия. Однако реально, на практике, чрезмерно тонкие различия человеку не нужны; напротив, как мы говорили, он склонен к минимизации числа выделяемых категорий. Поскольку носитель русского языка «обходится» n категориями желтого цвета, можно предполагать, что число разных слов-цветообозначений для оттенков желтого цвета будет превышать n . Тогда правомерно допустить, что каждой категории соответствует в среднем по нескольку слов. При этом уместна такая аналогия: если в пределах одной категории человек не делает явных различий между входящими в нее оттенками, то точно так же в речевом общении он не чувствует существенных смысловых различий между словами, относящимися к одной и той же категории цветового пространства. Такие слова, в сущности, и являются синонимами (примерами синонимических рядов могут служить группы русских слов *канаречный, ярко-желтый, лично-желтый* или же *бледно-желтый, светло-желтый, блекло-желтый* и т. д.).

Итак, наш основной постулат состоит в следующем. Если носитель русского языка членит цветовое пространство на n категорий и каждая категория должна как-то «называться», т. е. быть представленной в языке одним или несколькими словами, то выделив во множестве всех цветоименований k разных синонимических рядов, мы можем поставить знак равенства между найденными рядами и гипотетическими категориями ($k = n$). Понятно, что связывая членение пространства (на уровне восприятия) с делением множества слов на синонимические группы, мы обращаемся к денотативному значению, а выделяемые нами синонимические ряды включают денотативные синонимы. На этом и строится основная схема нашего подхода к выделению синонимов.

Группе информантов предлагается набор цветообразцов и дается пачка карточек со словами-цветообозначениями. Задача информантов — отождествить каждое слово с каким-то образцом цвета, исходя из своего представления о денотативном значении этого слова. Индивидуальные представления о денотативном значении группируются вокруг некоторого «истинного» денотативного значения, которое можно извлечь из усредненного мнения группы опрошенных информантов. Слова, имеющие близкие «истинные» денотативные значения, как раз и составят синонимические

ряды. Приведенная схема ставит перед нами несколько частных задач.

1) **Ц в е т о о б р а з ц ы.** При изготовлении цветообразцов мы воспользовались таблицами Манселла, в которых все образцы выравнены по насыщенности [15]. Каждый цветообразец представлял собой прямоугольник размером 20×15 мм, наклеенный на нейтральный серый фон (размер всей карточки — 70×100 мм). Не простым был вопрос о количестве образцов. С одной стороны, хотелось включить в эксперимент как можно больше разных оттенков. С другой стороны, число вариантов, даваемых испытуемым, должно быть обозримым; в частности, важно, чтобы два любых образца легко различались на глаз.

Напомним, что объектом нашего анализа выступают только оттенки желтого цвета. Однако информантам было бы утомительно работать с оттенками только одного цвета. Поэтому, помимо желтых, мы включили в набор также коричневые, белые, серые и черные цвета. Отобранный набор включал 21 цветообразец. В эксперименте они раскладывались перед информантами в три ряда (по семи в каждом).

Как показал эксперимент, информанты использовали для определения значения слов, обозначающих желтый цвет, 16 различных образцов. На наш взгляд, такое количество вариантов вполне соответствует поставленной задаче. Однако, разумеется, всегда можно спросить: не изменятся ли результаты группировки, если число образцов будет иным. Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели вспомогательный эксперимент, в котором тот же набор слов оценивался информантами с помощью 12 цветообразцов, причем в этом новом наборе, кроме желтых, были представлены синие и зеленые цвета. Мы надеялись получить примерно одну и ту же группировку слов, обозначающих желтый цвет, в столь разных условиях эксперимента. Обсуждение полученных в дополнительном эксперименте результатов мы пока отложим.

2) **С л о в а - с т и м у л ы.** Как уже говорилось, мы хотели проверить в эксперименте по возможности все слова, так или иначе связанные с обозначением желтого цвета. Однако мы убедились в том, что не имеет смысла включать в экспериментальные наборы слова пассивной лексики типа узб. *новот ранг, макка ранг* или русск. *дроковый, нанковый, ноготковый*. Такие слова либо вообще неизвестны большинству информантов, либо известны, но не вызывают достаточно определенного денотативного представления. С другой стороны, излишне «отягощали» бы набор и дублиеты типа *канареечный — канареечно-желтый*. Устранив указанные слова из словников, мы оставили для анализа 13 узбекских и 29 русских слов.

3) **П р о ц е д у р а э к с п е р и м е н т а.** Эксперимент проводился индивидуально. Перед информантом выкладывался набор цветообразцов и давалась пачка карточек со словами-стимулами. Задача состояла в том, чтобы для каждого слова указать тот образец, который наилучшим образом соответствовал бы представлению информанта о денотативном значении этого слова. В случае затруднений разрешалось указывать для слова 2—3 образца. Иногда информанты отказывались от ответа (либо по причине незнания слова, либо потому, что никак не могли найти в наборе цветообразцов подходящий денотат). В результате общее число ответов для разных слов было несколько различным. Всего в эксперименте участвовало 25 носителей русского и ровно столько же — узбекского языка.

4) **О б р а б о т к а р е з у л ь т а т о в.** Результаты эксперимента обрабатывались вначале отдельно для русского и узбекского языков. Для каждого слова определялось, сколько человек соотнесли его с тем или иным цветообразцом, и выписывалось соответствующее распределение суждений. Поскольку общее число ответов для разных слов было различным, для удобства дальнейших сопоставлений мы рассматривали распределение суждений в виде доли информантов (в %). Например, мы говорили: 87% русских информантов соотнесли слово *темно-желтый* с образцом № 6, 5% — с образцом № 13 и т. д. В результате для каждого языка была составлена матрица данных, фрагмент которой приводится в табл. 1.

Каждая строка в табл. 1 — не что иное, как денотативное значение соответствующего слова, представленное числами, которые допускают по-

Распределение суждений о денотативном значении слов
(в % к общему числу информантов)

Язык	Слова-стимулы	Цветовые образцы					
		№ 6	№ 7	№ 12	№ 13	№ 14	№ 21
русский	темно-желтый	87	—	6	5	—	2
	ярко-желтый	—	—	100	—	—	—
	интенсивно-желтый	4	—	96	—	—	—
	капаречный	7	6	82	5	—	—
	светло-желтый	—	—	3	93	4	—
	бледно-желтый	—	3	—	72	25	—
	желтый	—	—	62	38	—	—
узбекский	<i>сарик</i> «желтый»	1	5	69	25	—	—
	<i>оч сарик</i> «светло-желтый»	—	2	10	64	24	—
	<i>заррин</i> «золотой»	49	5	4	4	6	32
	<i>тўқ сарик</i> «темно-желтый»	80	—	11	1	2	6

следующую обработку. Напомним, что наша основная задача — получить разбиение слов на группы синонимов. С этой целью необходимо было применить такой метод расчета, который позволил бы, исходя из данных матрицы, оценить числом степень денотативной близости слов.

Для определения семантической близости (или, что то же самое, семантического расстояния) любых двух слов А и В подсчитывалась величина R по формуле:

$$R = \sum_i \left| \frac{a_i}{\sum_i a_i} - \frac{b_i}{\sum_i b_i} \right|,$$

где a_i и b_i — доля информантов, сопоставивших слова А и В с образцом i ($i = 1, 2, \dots, 21$).

Величина расстояния R изменяется от 0 до 2, причем минимальное расстояние между значениями слов ($R = 0$) соответствует случаю, когда распределения суждений для слов А и В полностью совпадают, а максимальное ($R = 2$) возникает тогда, когда слова не имеют ни одной совпадающей оценки (ср. слова *ярко-желтый* и *бледно-желтый* в табл. 1). Для подсчета величины R была создана специальная программа, реализованная на программно-управляемом микрокалькуляторе марки БЗ—34.

Итак, меньшая величина R соответствует большей близости слов по своему денотативному значению. По данным табл. 1 мы получили, что R {*ярко-желтый*, *интенсивно-желтый*} = 0,08; R {*светло-желтый*, *бледно-желтый*} = 0,17, в то время как, например, R {*желтый*, *светло-желтый*} = 1,18. Эти данные, вообще говоря, вполне соответствуют нашим интуитивным представлениям о степени близости слов в приведенных парах. В дальнейшем величина R как раз и будет рассматриваться нами как численная оценка, характеризующая степень расхождения смысла слов. Для наглядности мы увеличим все значения R в 50 раз и округлим их до целого. Полученные таким образом данные для набора узбекских слов представлены в табл. 2 (аналогичные данные для русских слов мы не приводим здесь в целях экономии места).

Чтобы определить, какую степень близости слов мы будем считать достаточной, чтобы объявить эти слова «синонимами», необходимо было выбрать соответствующее пороговое значение R . Перебрав несколько вариантов, мы остановились на пороговом значении $R = 40$. Таким образом, в дальнейшем мы будем считать слова А и В синонимами, если $\{A, B\} \leq 40$. В табл. 2 этому условию удовлетворяют пары {*заррин*, *зар ранг*}, {*похол ранг*, *оч сарик*} и др.

Данные о семантическом расстоянии между узбекскими словами

			№№	I		II		III				IV		V		
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I	<i>сариқ</i> <i>сап-сариқ</i>	«желтый»	1	0	30	63	69	86	85	74	60	51	88	75	91	77
		«очень желтый»	2		0		88	93	79	86	87	68	69	91	84	100
II	<i>оч сариқ</i> <i>похол ранг</i>	«светло-желтый»	3			0	35	86	82	75	70	54	68	56	94	81
		«соломенный»	4				0		92	80	73	62	49	44	51	86
III	<i>тўқ сариқ</i> <i>заррин</i> <i>зар ранг</i> <i>олтин ранг</i> <i>олтинсимон</i>	«темно-желтый»	5					0	38	51	59	53	87	85	98	83
		«золотой»	6						0	27	41	48	58	82	88	63
		«цвета золота»	7							0	42	39	58	67	85	55
		«цвета золота»	8								0	29	55	70	83	56
		«золотой»	9									0	66	61	80	67
IV	<i>заҳил</i> <i>заъфорон</i>	«желтоватый»	10										0	44	87	67
		«шафран»	11											0	87	80
V	<i>малла</i> <i>сарғиш жи- гар</i> <i>ранг</i>	«буровато-жел- тый»	12												0	46
		«желтовато-ко- ричневый»	13													0

Тот же критерий «синонимичности» использовался при формировании групп слов: в одну группу включались такие цветонаименования, которые были синонимами по отношению друг к другу. Если какое-либо слово не обнаруживало достаточно близкой связи ни с одной из групп, оно оставалось изолированным и образовывало свою, отдельную группу². В результате в узбекском языке удалось выделить следующие группы: 1) *сариқ*, *сап-сариқ*; 2) *тўқ сариқ*, *заррин*, *зар ранг*, *олтин ранг*, *олтинсимон*; 3) *оч сариқ*, *похол ранг*; 4) *заҳил*, *заъфорон*; 5) *малла*, *сарғиш жигар ранг*.

Применение аналогичной процедуры привело к следующему разбиению русских цветонаименований: 1) *желтый*, *лимонный*, *канареечный*, *золотой*, *ярко-желтый*, *насыщенно-желтый*, *интенсивно-желтый*, *ядовито-желтый*, *яично-желтый*; 2) *светло-желтый*, *бледно-желтый*, *блекло-желтый*, *банановый*; 3) *темно-желтый*, *охряный*, *горчичный*, *медовый*, *янтарный*, *луково-желтый*; 4) *кремовый*, *сливочный*, *пергаментный*, *цвета слоновой кости*; 5) *грязно-желтый*, *мутно-желтый*, *песочный*; 6) *золотистый*.

Обсуждение результатов. Прежде чем провести сопоставительный анализ полученных данных, убедимся в обоснованности наших разбиений. Как уже упоминалось выше, мы провели вспомогательный эксперимент, в котором число вариантов (цветообразцов) для слов, обозначающих желтые оттенки, было существенно меньшим. В этом эксперименте 18 носителей узбекского языка и 22 русских информанта, не принимавших участия в основном эксперименте, работали с тем же набором цветонаименований оттенков желтого цвета. Применив описанную выше процедуру обработки данных, мы получили разбиение русских и узбекских слов на синонимические группы. Результаты разбиения мало отличаются от тех, что были получены в основном эксперименте. В русском наборе вместо шести групп выделилось пять (в одну группу слились слова, составляющие в основном эксперименте группы 2 и 4, хотя и здесь между ними намечалось небольшое различие). Кроме этого слово *канареечный* перешло в группу «золотистый», а слово *лимонный* из группы «ярко-желтый» перешло в группу 2 (*светло-желтый*, *бледно-желтый* и т. п.). Эти незначительные

² У нас подобная «группа» оказалась единственной — в русском языке. Однако в других случаях (красные, синие и др. цвета) их было больше.

Семантические расстояния в объединенном множестве слова
(выборочные данные)

		№№	I							II				III					
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
I	желтый	1	0	39	39	15	33	14	39	59	64	54	61	97	84	97	94	73	
	ярко-желтый	2		0	4	25	18	31	10	97	100	90	100	100	100	100	100	86	
	интенсивно жел- тый	3			0	27	15	30	6	97	100	90	96	100	100	100	95	86	
	лимонный	4				0	20	10	25	73	77	69	76	97	83	86	71	73	
	канареечный	5					0	22	12	92	94	85	84	91	89	91	84	80	
	сариқ	6						0	30	73	73	63	69	95	82	95	88	75	
	сап-сариқ	7							0	95	97	88	93	98	97	98	91	84	
II	светло-желтый	8								0	29	29	54	97	81	94	87	80	
	бледно-желтый	9									0	10	32	72	59	72	65	63	
	оч сариқ	10										0	35	74	61	74	68	56	
	похол ранг	11											0	55	52	55	88	75	
III	кремовый	12												0	53	36	47	40	
	сливочный	13													0	36	46	39	
	цвет слоновой кости	14														0	38	39	
	захил	15																0	44
	заффорон	16																	0

изменения носят скорее случайный характер; общая картина разбиения осталась прежней. Аналогичный результат получен и для узбекских слов.

Итак, группировка слов в обоих языках отражает глубокий процесс восприятия цветового пространства и потому имеет устойчивый характер. Уместно в этой связи упомянуть результаты другого нашего исследования. Несколько групп билингвов участвовали в эксперименте описанного нами типа в двух экспериментальных условиях: в одном случае им предъявлялись слова родного языка, а в другом — набор слов неродного языка. Затем мы сопоставляли группировки слов, полученные в разные условия (например, группировки английских цветоименований, полученные, с одной стороны, в эксперименте с англичанами, а с другой — в экспериментах с русскими и эфиопами, хорошо владеющими английским языком). Оказалось, что общая картина группировки слов неродного языка более или менее точно повторяет картину группировки слов, полученную в эксперименте с родным языком (например, группировка английских слов у эфиопов была более похожа на группировку амхарских слов, чем на группировку тех же английских слов, полученную в английской аудитории). Таким образом, влияние когнитивной организации цветового пространства на характер группировки слов столь велико, что проявляется даже при работе со словами неродного языка.

Вернемся теперь к сопоставлению данных эксперимента с русским и узбекским языками. Заметим, что число выделяемых в обоих языках категорий примерно одно и то же, хотя число разных слов в них отнюдь не одинаково: русский набор в два раза больше. Итак, число лексических единиц, связанных с обозначением цвета, само по себе еще не определяет степень дробности членения цветового пространства в речевых механизмах носителей языка. Это первый важный вывод, который следует из нашего исследования. Напомним, что в работах сторонников гипотезы Сепира—Уорфа различия в восприятии цветового пространства иллюстрируются именно фактом разного объема словарей.

Попробуем теперь провести качественное сопоставление полученных группировок, т. е. найти соответствия между категориями узбекского и русского языков. Нас по-прежнему в первую очередь будет интересовать методическая сторона исследования, поэтому мы рассмотрим лишь часть

нашего материала. Отберем по несколько слов из групп 1, 2 и 4 русского языка и 1, 3 и 4 узбекского языка. Теперь применим к этому объединенному множеству слов описанную выше процедуру выделения синонимических рядов. Результаты подсчетов представлены в табл. 3. Как видим, русские и узбекские слова в равной мере участвуют в образовании групп, причем слова каждого из языков делятся на группы точно так же, как в случае анализа каждого из языков в отдельности. Таким образом, можно говорить о том, что категории I—III, представленные в табл. 3, носят универсальный характер. Конечно, мы не утверждаем, что совпадение категорий для русского и узбекского языков будет прослеживаться на всем цветовом пространстве. Однако сам факт наличия совпадающих категорий у носителей столь разных языков представляется нам важным и составляет еще один теоретический итог нашей работы.

Нам уже приходилось отмечать [12], что существующие двуязычные словари далеки от совершенства в той части, которая связана с цветоименованиями. Каким образом можно было бы улучшить положение вещей, опираясь на наши данные? Допустим, нам надо найти наилучший русский эквивалент узбекскому слову *похол ранг*, которого нет в узбекско-русском словаре. Буквальный перевод этого слова — «цвета соломы», однако напрашивающийся перевод *похол ранг* как «соломенный» может оказаться далеко не лучшим. Гораздо более действенным является подход с использованием матрицы, фрагмент которой представлен в табл. 1. Выпишем из нее строку, соответствующую слову *похол ранг*, и сравним ее последовательно со всеми строками в русской матрице, фиксируя каждый раз силу связи *R*. Выберем наименьшее *R*. Это и будет самое близкое по значению русское слово, слово-эквивалент. В нашем случае им оказалось слово *блекло-желтый*. Аналогичная процедура с узбекским словом *малла* выявила в качестве наилучших русских эквивалентов слова *коричневый* и *шоколадный* (ср. с предлагаемыми узбекско-русским словарем вариантами *светло-желтый*, *палевый* и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языковедению. М., 1984.
2. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
4. Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантического исследования. Л., 1979.
5. Berlin V., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley — Los Angeles, 1969.
6. Бляк М. Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Б. Уорфа). — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
7. Серебрянников В. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
8. Фрумкина Р. М. Об отношениях между методами и объектами изучения в современной семантике. — Семантика и информатика, 1979, вып. 11.
9. Василевич А. П. К методике исследования гипотезы Сепира — Уорфа. — В кн.: Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. «Культурный знак» Выготского и гипотеза Сепира — Уорфа. — В кн.: Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР.
11. Василевич А. П., Пляк К. Цветонаименования в бамана (Проблема полноты материала при исследовании гипотезы Сепира — Уорфа). — В кн.: Лексико-грамматические сопоставительные исследования в развитых и младописьменных языках. М., 1985.
12. Василевич А. П., Аллмере Р. А. Об одном способе поиска двуязычных лексических соответствий (денотативно-психолингвистический подход). — В кн.: Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов». М., 1982.
13. Василевич А. П., Аллмере Р. А. Психолингвистический подход к сопоставлению эстонских, русских и английских цветоименований. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1983, вып. 656.
14. Василевич А. П. Психолингвистический подход к установлению лексических соответствий (на материале болгарских, русских и английских цветоименований). — Сопоставительно языковедение, 1983, № 5.
15. The Atlas of Munsell color system. Baltimore, 1929.